

СУМЕРЕЧНАЯ ГРЁЗА

СУЖЕНАЯ
АДМИРАЛА

Полнобить враги

18+

Сумеречная Грёза Суженая адмирала. Полюбить врага

<https://litres.ru/74174897>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он – грозный адмирал враждебной расы, не идущий на компромиссы, я – землянка, ученый, пытающийся спасти родную планету от таких как он. Что между нами общего? Ошибка. Одна чудовищная ошибка, которая перевернет все вверх дном

И утопит нас в запретной страсти.

#горячо и нежно

#горячо и горячо

#властный адмирал

#безбашенная любовь

#обязательный ХЭ!

Цикл "Вселенная будущего". Читается как отдельная история.

!!! Автор пишет все сам, каждую букву, без использования ии

Содержание

Глава 1. Полина. Отчаянное решение	4
Глава 2. Антарес. Сражение	16
Глава 3. Полина. Пижамная вечеринка	26
Глава 4. Антарес. Собрание	35
Глава 5. Антарес. Развод	45
Глава 6. Полина. Принц из каталога	54
Глава 7. Антарес. Возмутительное предложение	62
Глава 8. Антарес. Дьяволица	74
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Суженая адмирала. Полюбить врага

Глава 1. Полина. Отчаянное решение

Ослепительный белый свет заставлял слезиться глаза, а до конца коридора оставалась ещё целая сотня метров. Никогда не любила этот участок лаборатории.

Зачем тут столько ламп? Будто если не подсветить каждую пылинку, которых тут, наверняка, по пальцам пересчитать, кто-нибудь украдёт этот ценнейший семенной материал вражеских мужчин. Совершенно бесполезный, к слову, материал. Ещё ни один ребенок не родился от керима, отторжение плода производилось практически сразу после зачатия. А если ребенку удавалось выжить хотя бы пару-тройку недель, происходил выкидыш. Бедные мамочки... каждый раз сердце разрывалось, когда они теряли своих детей. И всегда удивляло, что почти никто не страдал от этого, кроме меня.

Конечно... зачем им эти проблемы? Тестируемые девушки пришли сюда, чтобы заработать, а не чтобы воспитывать детей в одиночестве. Будущие «мамочки» готовы были отдать своего ребенка сразу, как только он родится. У них есть

возможность остаться с ребенком после его рождения, это предусматривалось контрактом, но пока никто до сих пор так и не воспользовался пунктом «последующее материнство». И никто до сих пор так и не родился...

Я бы не смогла так. Не смогла отдать своего ребенка... Девушки боялись, что на них будут показывать пальцем, презирать, ненавидеть за то, что они воспитывают ребенка от врага. Что, прогуливаясь по улицам, беловолосый мальчик или девочка будет собирать взгляды прохожих и гневные восклицания в свою сторону. Но будь это мой ребенок, я бы все выдержала. Вот только никто из подопытных не готов был идти на такие жертвы. Они согласились предоставить свою утробу для нужд Конфедерации, и не более того.

И с одной стороны я даже рада, что эксперимент хотят закрыть, а с другой... столько сил, времени, моих бессонных ночей, когда я носилась с каждой девушкой, когда ей становилось плохо... и Конфедерации просто нужны эти дети. Земля потратила на проект миллиарды, если не триллионы. Без детей-телепатов нам не выжить.

— У тебя сегодня смена допоздна? — спросил Оливер, мой коллега — высокий кареглазый брюнет с такой улыбкой, что хочется просто растаять. Он был просто сногшибательно красив, и я все время задавала себе вопрос, что же он забыл здесь, в лаборатории? И вообще в науке... с его харизмой нужно сниматься в фильмах, а не прозябать среди склянок и потока цифр. — Карл заболел. Просил заменить его. У

начальства отмечаться не захотел, потому что это его второй больничный, могут и втык дать.

Вздыхнула. Нас, учёных, эксплуатируют по полной программе. Сверхурочные, длительные смены. А зарплата остаётся на том же уровне. Конфедерации так нужны новые изобретения, новые решения их проблем, так почему бы не заплатить за нашу работу больше? Этот вопрос оставался открытым уже долгое время.

— Не могу, ты же знаешь. Ходят слухи, проект К-45 хотят закрыть. Мы же с тобой договаривались...

— Помню, помню... я прикрою тебя, не волнуйся, — улыбнулся Оливер, когда мы дошли до терминального отсека. Может, он и бабник, зато друг замечательный. Никогда не подведет. — Если мы договорились, значит, сделаем. Введешь себе новую сыворотку. Отчаянная ты, Полина. Как истинный учёный сначала проверяешь личные изобретения на собственной шкуре... Кстати, ты уже выбрала кандидата на место своего первого мужчины?

Оливер всегда был бесцеремонным. Вот так запросто говорить о личных темах очень нетактично с его стороны. Но Оливер и тактичность — вещи несовместимые. Да что он вообще забыл в науке?

— Нет, не выбрала, — ответила, красная как рак. На фоне светлого коридора это, наверное, было очень заметно. Да ещё я рыжая, почти как пламенный закат... может, Оливер не заметит моего смущения на фоне «огненных» волос? —

И вообще, Оливер, неприлично задавать девушкам такие вопросы.

— Так, может, я первым быть хочу?

Дыхание сперло. Ну уж нет.

— Ты-то? — возмутилась. — Да ни за что в жизни. Ты же бабник, каких свет не видывал. К тому же, не в моем вкусе.

— А какая разница, во вкусе или нет. Тебе же на разок. А что бабник — это хорошо. Я столько женщин перещупал, что тебе точно не будет больно. Тут главное опыт, а не...

— Ну, знаешь, — перебила его с возмущением. — Мне важен не опыт. Мы прежде всего коллеги и нам, к слову, с тобой дальше работать и пересекаться в научной среде. Тут нужен кто-то... незнакомый, кого я больше никогда не увижу.

Оливер усмехнулся, потряхнув гривой черных волос.

— Какая ты наивная... думаешь, в этой твоей мифической научной среде люди почкованием размножаются?

— Знаю, на что ты намекаешь. Что все друг с другом давно переспали. Я в это не верю.

— Зря, — подмигнул Оливер. — Из первых рук информацию получаешь. Кстати, есть два вопроса

— Задавай.

— Первый. Почему ты всё ещё целка?

— Корректней, пожалуйста.

— Девственница.

— Мне было не интересно.

— Верю. Второй вопрос. Какие мужчины тебе нравятся?

— Длинноволосые блондины, — посмотрела на Оливера многозначительно, набирая код на приборной панели. Он-то в мои вкусы точно не входит. — Удовлетворен?

— Ха! Вполне. Значит, не встретила того единственного. Так и запишем. Может, мне перекраситься?

Покачала головой.

— Да уж... С твоими аппетитами я начинаю подозревать, что все наши потенциальные роженицы беременны не от семенного материала керима, а от тебя!

— Вот тут ты ошибаешься, — важно сказал Оливер, буквально «вплывая» в отсек. — Если бы они были беременны от меня, каждая бы родила. У меня семя крепкое!

Фыркнула, войдя вслед за ним.

Отсек закрывался наглухо, и внутри было совсем не так, как снаружи. Здесь обитал целый мир, уютный теплый уголок, где жили наши девушки.

Бальный зал, огромная гостиная с мягкими диванами и дизайнерской обстановкой, удобная столовая, спортивный зал, несколько спален и бассейн. К тому же имелся так называемый «живой уголок», где можно было отдохнуть среди раскидистых папоротников, лиан и понюхать ароматные цветы с успокаивающими флюидами. В главной гостиной имелся даже интерактив с видами Земли, где на большом окне отображался город с прекрасными закатами и рассветами. Рожай только и рожай! Здесь мечтал бы пожить каждый, кто находился на орбите. Конечно, если бы кто-нибудь знал об этом месте. Конфедерация соблюдала строжайшую секретность.

Не исключено, что девушки соглашались на суррогатное материнство только затем, чтобы несколько месяцев пожить на полном государственном обеспечении, а потом получить

грант на обучение в орбитальном институте. Конечно, после подписания документов о неразглашении.

— Как поживаете, девчата? — поприветствовал девочек Оливер, к нему тут же подлетела Джалия, чмокнув в щёчку и игриво подмигнув.

Джалия была на третьей недели беременности.

— Неплохо, только скучно, — ответила она, — Все сериалы уже пересмотрели. А ты почему так редко заходишь?

А они точно не от него беременны? Посмотрела на Оливера с подозрением, но он только рассмеялся.

Эх... конечно не от него. Каждый ребенок строго задокументирован. Прошел тест ДНК, скейл-отпечаток и лют-эн-статус. Оливер тут точно не причем. Но девчата... они слишком легкомысленны для положения, в котором находятся.

После ослепительно-белого коридора привыкать к полумраку было тяжело. Девочки выключили свет, оставив только гирлянды в качестве иллюминации. Где-то в углу стояла пальма. Вокруг витал уют, спокойствие и расслабленность. Каждая из них обеспечила свое будущее. И каждой из них плевать.

А мне... плевать? Смогла бы я точно так же беспечно относиться к своему состоянию, к собственному ребёнку, и думать только о деньгах?

Нет... конечно же, нет. Ведь это дело моей жизни. Последние пять лет я бьюсь над задачей выведения телепатов и

оказалась почти у цели... а они хотят закрыть проект. Я не могу этого допустить.

— Чтобы не было скучно, нужно заниматься спортом. Для ребенка полезны умеренные физические нагрузки. Все время лежать на диване нельзя, — отрезала, раздраженная абсолютно халатным отношением Джалии к своей беременности.

— Пфф, — прыснула Джалия. — Я устала плавать в бассейне. Да какая разница? Все равно будет выкидыш. Я уже чувствую, как он просится наружу. Чай, не в первый раз. Седьмой за шесть лет. Я уже бывала.

Меня бросило в жар, потом в холод. И даже не оттого, что Джалия сообщила мне о своем неважном самочувствии, а о том, как беспечно она это сделала... мурашки прошли по коже. Ее ребенок... его скоро не будет, а ей плевать. Быстро сбегала в лабораторию при «доме», как мы называем жилые отсеки, принесла индивидуальный диагност и оценила состояние Джалии. Так и есть. Три недели, и идёт отторжение плода. Три недели – рекорд. У меня уже появилась надежда, но опять неудача...

На глаза навернулись слезы. Нервы у меня были просто на пределе. Я не могла больше терять детей. Просто не могла. Но и Конфедерация нуждалась в телепатах...

Опустошённая, уставшая, с влажными глазами я вернулась в лабораторию и плюхнулась на стул, уронив лицо в ладони. Я тихо плакала под мерное жужжание холодильников

с сыворотками и далёкий смех девочек, купающихся в бассейне.

— Ты принимаешь все слишком близко к сердцу, — услышала голос Оливера, вошедшего в лабораторию вслед за мной. В сумеречной полутьме свет разноцветных склянок, расставленных по холодильникам, превращал лабораторию в рождественский уголок.

Кстати, а ведь скоро рождество...

— Я просто устала, Оливер, — слезы душили. — Я ведь занимаюсь этим проектом почти пять лет. С институтской скамьи — и в лабораторию. Сначала ассистенткой, потом ведущим ученым. Это дело моей жизни.

— Понимаю. Но ведь у тебя есть и другие проекты.

— Этот особенный, — вздохнула. — Керимы — враждебная раса, но они наши родственники. Очень дальние, но все-таки родственники. У нас должно получиться...

— Мы очень сильно различаемся. У нас технологии, у них — телепатия, — вздохнув, сказал Оливер. — Вот только они быстро учатся... и, видимо, очень скоро догонят нас в технологиях.

— А вот в телепатии нам их не догнать, — озвучила очевидное. — Телепатия на планете Баллу формировалась тысячелетиями, нам не произвести эволюцию в такие сжатые сроки. Да и возможно ли это вообще? На планете Земля не нужна была телепатия, чтобы выжить. Что будет, когда керимы догонят нас в технологиях, имея при этом и телепатию?

— Они победят нас и уничтожат человеческую расу, — Оливер сказал это холодно, потеряв весь свой игривый настрой. — Отнимут у нас Землю, которую считают своей.

— А Конфедерация хочет закрыть проект! Я просила дать мне ещё шанс, просила! Я просто уверена, что моя новая сыворотка поможет выносить ребенка человеческой женщине. И произвести на свет телепата.

— Таких сывороток было уже много, Полина. Это очередная.

— Нет, не очередная! Я чувствую... у меня интуиция.

— Интуиция в науке вещь полезная, но ее в отчёт не впишешь... чтобы оформить новую сыворотку нужно как минимум год. Ты же знаешь...

— Знаю, — почти расплакалась. — У нас нет столько времени. Ты обещал мне. Обещал!

— Обещал – не подведу, — решительно сказал Оливер и направился к холодильникам.

Закатав рукав, я обнажила вену на локтевом сгибе. Зафиксировала жгутом руку поверх локтя и поработала ладонью, чтобы нагнать кровь. Когда Оливер колол мне сыворотку в вену, я думала только об одном — я сделаю все, чтобы человеческая раса выжила.

Сто лет. Почти сто лет человечество пытается вывести общих детей двух рас, чтобы у людей появилось много телепатов, и они смогли помочь нам противостоять враждебной расе.

Когда-то, когда мы ещё окончательно не рассорились и имели дружескую связь двух планет, на свет появлялись такие дети. Телепаты-полукровки рождались в смешанных браках, даруя Земле ценных специалистов. Они читали мысли, угадывали будущее, ощущали потенциальную опасность в условиях нулевой видимости... телепаты — это мощь, которая поднимает цивилизацию на невероятные высоты. У керимов было невероятное преимущество, и отсталость своих технологий они преодолеют за считанные десятилетия, а то и просто годы. У них тысячи и тысячи телепатов, схватывающих на лету все нововведения. Керимы — самая обучаемая раса во всей вселенной после людей, и это была самая главная их опасность.

У нас же осталось какая-то жалкая пара сотен телепатов, и все они стоят на Конфедеративном учёте. Все до единого. И все работают во благо человечества. Но их так мало... нам нужно больше. Люди тоже обязаны стать телепатами, иначе нам просто не выжить.

Общие дети рождались только от генсолдат и керимских женщин. Но ещё ни одна человеческая женщина не родила от чистокровного мужчины-керима.

Я буду первой.

Как мало мы знаем о керимах, и как отлично осведомлены о том, как хорошо они умеют воевать...

— Готово, — взволнованно сказал Оливер, вынимая иглу. — Теперь ты официально подопытная. Можешь не при-

сваивать себе номер, я разрешаю, — усмехнулся он. — Поздравляю, ты можешь зачать от керима. Уже решила, какой образец спермы выбрать?

— Ещё нет. До перестройки репродуктивной системы целая неделя, у меня будет время подумать. Сейчас главное — лишиться своей девственности перед зачатием.

Глава 2. Антарес. Сражение

Провода энэриа-связи плотно крепились к моим вискам, солнечному сплетению и пальцам. Сейчас я походил на напичканного железом киборга, восседающего на железном троне с самыми чувствительными сенсорами фиксации энергии. Они улавливали каждое движение моих мыслей, и для того, чтобы отдать приказ, мне требовались миллисекунды.

Казалось бы – открой рот и произнеси приказ четко и громко, и тебя услышат... но когда перед тобой целая армада вражеских кораблей, и нужно вывести свой флот из окружения, каждая секунда на счету. Мне некогда набирать воздух в лёгкие. Некогда размыкать губы. Некогда высекать слова из своей глотки.

Я — адмирал керимского флота планеты Баллу, обладающий профильной тактической телепатией и управляю каждым кораблем, что перешёл в мое командование.

Тактика — мой конек. Я чувствую каждое движение противника и знаю, как завоевать победу.

Противник решил атаковать наши фланги и мышцы мои напряглись. Места крепления энариа-связи начали покалывать, когда я считал волнение капитанов союзных кораблей, знающих, что мы находимся в меньшинстве.

— Тарос, убрать пушки и включить двигатели на ускорение, — отдал мысленно приказ дальнему гарнизону и тут же почувствовал неуверенность Тароса — капитана боевого линкора с правого фланга. — Сомнения прочь. Выполнять приказ.

Он сделал так, как сказал ему адмирал. Он не пожалеет об этом. Но сейчас...

Раса вайнов безумно многочисленна и хорошо вооружена, но у них есть два существенных недостатка — неповоротливость их кораблей и потеря ориентации, когда они нарушают строй. Расколи их шеренгу надвое, и вскоре они рассыпятся по космосу, словно жемчужины с лопнувшего ожерелья.

Это — недостаток психологии, их коллективного разума роящихся насекомых. Корабли вайнов крепятся друг к другу психо-когнитивными связями, которые сейчас нам предстоит разорвать.

— Харман и Варго, когда Тарос пройдет по центру, при-

кройте его перекрёстным огнем. Ваша задача — усилить раскол, который он внесёт в шеренгу врага.

«Так точно», — принял мысленный сигнал и стал ждать, пристально прислушиваясь к своей телепатии.

Когда первые корабли проскочили по центру длинной шеренги вайнов, их «цепочка» дрогнула. Обескураженные, они просто не могли подготовиться к подобной наглости. В них не стреляли, не шли на таран, не окружили в надежде зайти с тыла. Три корабля Тароса на полной скорости проскочили вглубь их построения, словно юркие мотыльки, не сделав ничего, что могло бы повредить врага.

Тяжёлые пушки грохнули, выпуская залпы по моим подчинённым, но, конечно же, промахнулись. Слишком неповоротливые.

Вот оно. Сейчас. Секунду... моя телепатия просчитала, что выстрел внесёт хаос в их ряды. А я привык доверять своему чутью. Теперь я видел, что именно предвидел: один из залпов вражеских орудий попал по своим же, и ровный строй вайнов исказился, потерял связь между кораблями.

— Пора, — крикнул я мысленно, и нейросеть на той стороне преобразила мои мысли в решительный приказ.

Корабли баллуанской флотилии открыли огонь, уворачиваясь от разрозненных залпов врага. Раньше мы держались на расстоянии, но теперь пришло время рисковать. В телепатии всегда была доля риска, иначе война бы не была войной.

Иначе мы не завоюем Велену — ценную планету с полез-

ными ископаемыми, которая стала не интересна Земле, но за которую нам пришлось побороться с вайнами.

Провода на моем теле натянулись до предела, как и мои мышцы, кожа заболела от ответных импульсов. Моих мысленных ресурсов едва хватало, чтобы корректировать ход каждого нашего корабля.

Висок пронзила острая боль. Один подбили.

Допустимые потери. Это я чувствовал своей телепатией.

«Срочная эвакуация!» — приказал Агantu, капитану штурмового крейсера, подвергшемуся разгерметизации. — «Мы подберём капсулы спасения после битвы».

Маленькие белые точки спасательных шлюпок усеяли космическое пространство среди энергетических залпов и снующих туда-сюда штурмовых кораблей. На первый взгляд — хаос. Но это было не так. В моих глазах этот хаос был управляемым, и руководил им я. Космос светился золотистыми телепатическими нитями, подсказывая варианты событий, исхода битвы, а главное — намерение врага.

Я чувствовал его своей кожей. Своим нутром. Я знал, что он хочет сделать в следующий шаг.

Этот шаг я сделать не дам.

— Харман, ты рядом с их центральным линкором. Враг хочет разорвать парализующую экто-бомбу, направив импульс на наши корабли. Залпы из всех орудий и сматывайтесь оттуда. Пусть утонут в собственном же дерьме.

Я наблюдал, как Харман разворачивает пушки в сторону

вражеского линкора, в огромный ущерб себе — без ответного огня вайновские штурмовики начали усеивать обшивку нашего корабля дождем залпов.

Это не важно... важно — активировать бомбу в самой гуще врага.

Меня тряхнуло. В наш линкор врезалась ударная волна, аварийные системы завизжали. По приборам пошли помехи, и на секунду я ослеп. Но лишь на секунду...

В следующее мгновение перед моими глазами расцвел бело-голубой цветок с рваными энергетическими лепестками, и уголки моих губ победно приподнялись. Шеренга вайнов рассыпалась, взорвавшаяся бомба грязным пятном расплылась в центре их флота, парализовав нервную систему своих же солдат.

Нашему флоту оставалось только уничтожать вайнов по одному, их корабли рассыпались по космосу, как я и предполагал. Вайны вместе — мощь, но вайны по отдельности лишь мишень для уничтожения.

Мое тело вспотело, по коже стекали крупные капли влаги, сердце глухо стучало под натиском повышенной дозы адреналина. Я чувствовал, как мои ментальные силы истощались. Это был не трудный бой, но в последнее время моя лют-эн-энергия не пополняется. Поэтому держать на связи весь подконтрольный флот означает полностью опустошить себя.

Надо бы отдохнуть...

Содрал с себя датчики энариа-связи, оставив кровавые

следы на коже в месте их прикрепления. Так всегда бывает после битвы — связь так сильно вживляется в меня, что убрать ее можно только вместе с покровами. Но у меня очень хорошая регенерация, а с энариа-связью я стараюсь не перебарщивать. Заживет.

И всё-таки отдавать приказ голосом гораздо приятней, хоть и не настолько эффективно...

— Вайны согласны на переговоры, — Калио, мой помощник, подошёл вплотную, убирая провода в выемку на стене.

Пахло металлом, потом и смертью.

— Огласи наши потери, — встал с места, и меня шатнуло — ещё не до конца отошёл от ментальных перестроек.

— Пятнадцать бойцов и один линкор.

— Боги скорбят по ним, так же, как и мы. Они воздадут им в Чертогах сполна.

— Харман, как ни странно, жив.

— Поэтому я его и выбрал. Он самый живучий и удачливый. Моя телепатия сделала на него ставку и не прогадала, — ответил спокойно, выходя из капсулы энариа-связи. В капитанской рубке корабля ещё секунду царило напряжение, но теперь все расслабилась. Даже свечение на приборной панели напоминало празднование победы. — Калио. Пригласи медика, чтобы залатал мои раны и подай мой китель. Нужно оповестить вайнов, что переговоров не будет. Только полная капитуляция.

Калио замялся.

— Что такое? — спросил строго, сдвинув брови. — Говори.

— Несколько минут назад пришла срочная депеша...

— Судя по твоему выражению лица, китель ты мне не принесешь, — ответил недовольно.

Я прекрасно разбирался в тактике, маневрах и боевых стратегиях, но вот чувства понимать мне было не дано. Не моя область телепатии, мой мир — аналитика, а не глупые сентиментальности.

— Вас срочно вызывают на Баллу по запросу высшего приоритета, — вежливо пояснил Калио, стараясь сильно меня не злить. Прекрасно знал, что ультиматумы после разгромного сражения – чуть ли не важнейшая часть самого сражения, и там должен присутствовать я. Лично.

— Хвала императору, — возвестил я стандартную фразу согласно этикету, но сам был крайне недоволен раскладом дел.

Если срочно вызывают, нужно явиться. Ненавижу гиперпространственные скачки. У людей они получаются гораздо лучше, чем у керимов.

Люди... кровь кипела, когда думал о них. Так называемые «родственники», у которых даже нет телепатии. И они считают, что лучше нас. Да вселенная схлопнется, если это действительно так. Люди – агрессивные отбросы, не умеющие ничего, кроме как пожирать планеты, встречающиеся у них на пути. Они поглощают все, до чего дотягиваются их разру-

шающие технологии. Вот только мы им не по зубам. Керимы хорошенько охладили их пыл.

Одно непонятно, как такие агрессивная раса могла быть настолько развитой. Без телепатии! Загадка. Наверное, это лишь ошибка эволюции, не более.

— Хвала императору! — подхватил мой помощник Калио, а также наводчики, сидящие у электронной панели корабля.

— А если между нами, — склонился я над бледным ухом Калио, — Чего хочет от меня администрация императора? Я знаю, что ты знаешь. У тебя дипломатическая телепатия. Не лично же он меня вызвал.

— Нет, адмирал Антарес, не лично, — смутился Калио, перейдя на шепот, — Дипломатов первой линии и метронов орбиты собирает прокуратор Мантисса. А также адмиралов, которые имеют боевой опыт с человеческой расой...

— Всего таких семь, — сделал логичный вывод. — Включая меня. Что им нужно? Причем тут дипломаты первой линии и адмиралы? Какая связь?

— Эм... ам... — замялся Калио, поняв, что мне не понравится то, что он мне скажет.

— Говори, — мой недовольный взгляд сверкнул. Я уже догадывался в чем дело, но хотел услышать это из его уст.

— Император посылает делегацию на Землю. Он хочет подкрепить свое дружеское намерение, отправив вместе с дипломатами военных высшего звена, — Калио одёрнул во-

ротник кителя указательным пальцем, будто ему стало трудно дышать. — Вас тоже, видимо, хотят послать в составе делегации...

— И чего же они хотят? — мой голос перешёл на рык. — Адмиралы, ненавидящие землян — худшие представители для переговоров.

Император? Делегацию на Землю?! Уму непостижимо. Неужели они хотят о чем-то разговаривать с этими варварами? Отбросами вселенной? Моя холодная кровь кипела, когда я думал о наших «родственничках». Ненавижу.

— Я... я не знаю, чего они хотят, — Калио уже обливался потом.

— Вольно, — ударил Калио по плечу, а то он, судя по всему, собрался падать в обморок. — Если Император призывает, я должен явиться. Жаль только, что ультиматумы вайнам придется ставить не мне, а тебе.

Глава 3. Полина.

Пижамная вечеринка

Последние три дня немного кружилась голова, но это означало, что сыворотка начала действовать и шла первая фаза трансформации. В этот самый момент подопытные обычно чувствуют, как по крови " бегают теплые букашки". Конечно же, это исключительно субъективные ощущения, и к реальности они не имеют никакого отношения, но временами мне казалось, что я тоже их чувствую. Иногда совершенно явственно ощущалось, что вены начинают теплеть, и меня бросало в жар. Однажды ночью я проснулась и обнаружила, что они светятся. Я знала, что это лишь стандартная фаза перестройки организма, но в ту ночь меня все равно объела паника.

«Спокойно, Полина, это совершенно нормально», — бормотала я себе под нос, но не могла не испытывать волнения. А потом все закончилось... вены перестали светиться, теплота ушла и стало совершенно спокойно. Только начало немного потягивать внизу живота. Это означало, что на подходе вторая фаза репродуктивной перестройки.

— Теперь я не смогу забеременеть от мужчины человеческой расы, — изливала душу своей подруге, Глории, которая была не то, чтобы далека от мира науки... она обходила его

стороной.

Глория была художником и искренне считала, что точные науки убивают ее творческий потенциал. Но мы дружили с первого класса и для меня она сделала редкое исключение. Даже интересовалась иногда чем-нибудь.

— Вот так выкрутасы! Это еще почему? — удивилась Глория.

— Вторая фаза делает яйцеклетку невосприимчивой к сперме человеческих мужчин, подготавливая ее для оплодотворения семенным материалом керимов.

— Семенной материал, — рассмеялась Глория, потряхнув смоляными кудряшками. Она повертела бокал вина легким движением запястья и залпом осушила его. — Выражения-то какие! Поверь мне, уж много чести называть мужскую сперму семенным материалом. Этого "добра" в их мошонках пруд пруди, чтобы так трепетно к нему относиться...

— Глория, ну ты чего, — покраснела. Глория иногда была совершенно бесцеремонный девчонкой. Ей недавно исполнилось двадцать семь, и она считала, что уже достаточно стара, чтобы не испытывать никаких комплексов. — У нас так принято. Называть сперму семенным материалом. Да я привыкла уже. Тем более мужчины керимов отличаются по физиологическим...

— Да конечно! — прыснула Глория, плеснув мне в бокал ещё вина. Алкоголь никак не действовал на сыворотку в моей крови, и мы решили устроить маленький девичник, эда-

кую пижамную вечеринку. Отметить скорое окончание моей девственности. — Поверь мне, мужчины везде одинаковы. Что на Земле, что на Марсе, что на Кроносе, что на... как ты говоришь, эта планета называется?

— Баллу.

— Что на Баллу! Если они действительно наши родственники...

— Если быть точнее, дальние...

— Ой не нуди! Ты иногда бываешь такой заучкой. Я столько из энциклопедии не узнаю, сколько от тебя.

— Так ведь это хорошо. А то не знала бы ничего, кроме своих кисточек и распылителей, — задела Глорию «за живое».

Она действительно не очень любила читать, и большинство информации получала от меня. Мы были поразительно разные, но почему-то все равно дружили.

— А вот правду говоришь! — рассмеялась Глория, покраснев от половины бутылки вина, старательно влитой в себя за последний час. — Была бы я неотёсанный и грубой, то не вышла бы за Поля, процитировав стихотворение Пушкина в тот чарующий вечер. Это ты меня научила! Он любит Пушкина. А я люблю, когда он выставляет мои картины у себя в студии.

— Ох, Глория, Глория... — покачала головой. Моя творческая подруга хоть и творческая, но никогда не забывала о выгоде.

— Вот что я скажу. Все мужчины одинаковы — хоть на Земле, хоть на Баллу. А если мы ещё и родственники, так тем более. Поверь, сперма у этих керимов совсем не волшебная. Точно такая же, как у всех мужчин. И они такие же озабоченные козлы, как и наши, земные!

— Глория, так ведь ты замужем за Полем! Как можно называть его козлом? Он помогает тебе во всем.

— Да, — довольно кивнула Глория, — Но он не перестает быть озабоченным, а иногда просто невозможно упрямым. Любимым озабоченным козлом, — не переставала смеяться Глори. — Помогал бы он мне, откажись я с ним спать и пойти за него замуж?

— Эм... думаю, нет, — озвучила «горькую» правду. — Как бы ты не была талантлива, он нашел бы другую творческую личность...

— Вот! — Глория назидательно проткнула воздух пальцем. — И керимы такие же! Они, как и все, платят за любовь, так же добиваются женщин, так же хотят их трахнуть и ничего не делают просто так. Поверь, среди них козлов не меньше, чем среди наших. А, может, даже и побольше!

— Мне все равно, какие там мужчины. Мне они не нужны. Я подсажу безликий семенной материал, подходящий по параметрам, и выношу ребенка без отца.

— Ик... а что ты собираешься потом с ним делать? Не отберёт ли Конфедерация?

— Не посмеет. Я не дам забрать моего ребенка. Если ре-

бенок родится телепатом, он будет нуждаться в матери, и Конфедерация вынуждена будет пойти навстречу. А если он окажется обычным... всем будет плевать. Люди просто будут тыкать в мою сторону пальцем, потому что я родила от врага, вот и все.

— Ай-яй-яй... ну зачем тебе такие жертвы, Поля? Жила бы себе, занималась наукой, ещё ученей бы стала... как-никак двадцать пять лет тебе, а голова тяжёлая, как чугунная гиря.

— Я делаю это ради человечества. Керимы скоро догонят нас в технологиях и захватят Землю.

Глория помрачнела. Когда заходил разговор о враждебной расе, нам всегда становилось не по себе.

Когда-то очень-очень давно, примерно двести тысяч лет назад, очень развитая раса вирейнов прилетала на Землю, переселив перспективных человекоподобных обезьян сапиенсов на далёкую планету под названием Баллу. Она была близнецом Земли: размер, климат, магнитное поле, удаленность от центральной звезды... Баллу находилась аккурат в обитаемой зоне, четвертой по счету планетой из двенадцати. В общем, практически идентичная нашей планете, поэтому керимы проходили эволюцию параллельно с нами, но в пяти-сот тринадцати световых лет от Земли. И всё-таки различия между планетами были. Отклонения по климату, скорость движения земной коры, космическое излучение...

И за двести тысяч лет керимы приобрели телепатию и раз-

вили ее, стремясь выжить в новых условиях на планете Баллу.

Не знаю, в чем заключался эксперимент развитой цивилизации вирейнов. Наверное, мы никогда этого не узнаем. Инопланетная раса вымерла еще до того, как керимы смогли впервые выйти в космос. Поговаривали, что ее сгубил сильнейший вирус, который оказался безопасен для керимов, но не для самих вирейнов... хотя это были лишь мифы, никто не смог доказать этого.

Много позже керимы нашли в архивах «протоцивилизации» информацию о Земле, и так мы встретились...

Словами не описать, какое это было открытие для наших планет. Был и праздник, и слезы, и дружба... сенсация. Две сотни лет мы налаживали отношения, пока керимы не показали свое истинное лицо.

«Наша планета», — сказал их император, и они пошли на нас войной.

Их планета... материнская. Они хотят Землю себе... а мы просто хотим выжить.

— Ой-ой ничего не хочу слушать! — Глория зажмурилась, зажала уши ладонями и засучила ногами, словно ребенок. — Никаких апокалипсисов! Никаких войн! Не надо!

— А я и не собираюсь, — покачала головой, устраиваясь удобно на подушке. — Я вообще сейчас думаю, что делать со своими веснушками. Они вылезают и вылезают, никакой сывороткой не согнать. На орбите излучение сильнее, чем на

Земле. Веснушки появляются буквально из ниоткуда. Ик...

Наверное, я немного перебрала. Очень редко пью... мне и бокала хватает.

Моя маленькая комната с видом на космический город находилась в дальнем крыле общежития. Я уже почти накопила на квартиру и после родов планировала переехать в более просторные апартаменты. А пока что мы с Глорией ютились в маленькой комнатке со стареньким диванчиком и потихоньку сплетничали. В углу стояла не менее маленькая рождественская искусственная ёлка, у стены — шкаф, стол и узенькая кровать. Здесь было не слишком роскошно, но очень уютно. Я буду скучать по своему гнездышку.

Глория схватила зеркальце со стола и поднесла к моему лицу:

— Посмотри какая ты офигенная! Перестань выводить свои веснушки! Ты рыжая и горячая!

— Может, ты и права, — сморщила носик, повертев им туда-сюда. Сколько бы я не старалась, не могла стряхнуть эти веснушки. — В любом случае, сейчас мне не до дорогостоящих процедур. Вот говоришь, я рыжая и горячая. Пора это доказать, в конце концов. Я собираюсь потерять свою девственность. Всё-таки оплодотворение и роды не совместимы с невинностью... девственная плева будет мешающим фактором в репродуктивном процессе.

— Вот! А я тебе говорила. Давно пора. А ты — не интересно, не интересно...

— Я все любовь ждала, а ее нету. Ну не екает у меня ничего. Все мужчины как мужчины. Не чувствую, что вот оно — мое...

— Ой да брось! Все мужики одинаковые. Хватай любого и окучивай. Главное, чтобы с кошельком.

— Ох, Глория. Я так не могу. По любви хочу.

— Ты хочешь потерять девственность, — с подозрением сощурилась Глория. — Что, есть кто-то на примете? Девственность поможет продать себя подороже!

— Хватит, Глория! Не хочу я ничего продавать. Ужас какой. Как так вообще можно?

— Ладно-ладно, не кипятись. Так есть кто-нибудь на примете?

— Нет, — грустно ответила. — Хочу заказать мужчину из интимного агенства...

— Да ладно! — прыснула Глория, выпучив на меня глаза.

— Мне нужен профессионал... ну, чтобы было в первый раз, и без стресса... и потом, чтобы не видеть его потом. Так что никто из коллег и знакомых сразу не подходит, — начала оправдываться, объяснять, как это пришлось делать Оливеру, но Глория знала меня с самого детства и была не из тех, перед кем надо оправдываться.

Она всегда была за любую авантюру, если за нее не нужно было платить.

— Ни слова больше! — крикнула она, буквально кидая бокал на стол. — Открываем каталог и начинаем звонить в

агентства. Я тебе такого мужика подберу – закачаешься!

Глава 4. Антарес. Собрание

Гулкое эхо пролетало по просторным мраморным коридорам, я мерно отчеканивал шаг, ударяя по каменному полу подбитыми металлом подошвами. Они и так знают, что я недоволен. Пусть теперь и слышат это.

Приглашать адмиралов для обсуждения переговоров с Землёй – пренебрежение, граничащее с унижением. Мы проливали свою кровь, теряли солдат и отрывали отцов от семей не затем, чтобы однажды договориться отдать землянам часть космоса. Или... нечто большее? Они не заслуживают ничего. Паразиты и отбросы, которые должны находиться разве что на помойке, не имеют права ни на что.

— Адмирал Антарес, вы как всегда секунда в секунду, — прокуратор Мантисса расплылся в своей дипломатической улыбке, лъстиво погладив белоснежную тунику, в которую замотался по самые уши. Блестящая лысина отражала слепящий свет холодного солнца, быющего в высокие арочные окна. — Ни мгновения раньше, ни мгновение позже. Среди всех собравшихся только вы так поразительно пунктуальны, и я очень ценю это. Присаживайтесь. Раз уж подошло время, мы начнем немедленно.

Мантисса мягким жестом указал на высокое кресло за круглым столом, высеченным из черного дарвинского дерева. Здесь же сидели мои коллеги – шесть адмиралов из во-

енных высшего звена, трое дипломатов при дворе императора и два аналитика. Все они являлись представителями дворянских родословных, включая меня. И все имели исключительные телепатические способности.

— Начнем, — громыхнул адмирал Варгос, широкоплечий, рыжекудрый и рыжебородый, хлопнув по черной поверхности стола. — Но вы должны понимать, господин прокуратор, что нам не нравится эта затея. Переговоры с Землёй — нежелательное мероприятие.

Значит, не я один недоволен таким раскладом дел. Варгос и другие адмиралы поддержат меня. Оставалось только выяснить, кому принадлежит эта сомнительная идея. Ответ на вопрос я получил незамедлительно — прокуратор Мантисса обладал отличной дипломатической телепатией и не дал нам и малейшего шанса на возражения:

— Увы, господа адмиралы, мне и самому не по нутру эти переговоры, — расплылся он в лягушачьей улыбке. — Но так желает сам император. А его слово — закон. Его воля — неоспорима. Хвала императору.

— Хвала Императору, — подхватили адмиралы, славя верховного главнокомандующего, в том числе и я.

Так вот значит оно что... нам не оставили выбора, повода для какого-либо возражения или даже корректировку курса. Лететь на Землю — и не обсуждается. Я сжал зубы до скрипа, желваки на моей челюсти заиграли. Трудно было сдерживать гнев, но я был обязан оставаться невозмутим. Долг —

превыше всего. Слово императора — непреложный закон. Любой военный должен был уметь сдерживать свои эмоции, а гнев в первую очередь. Гнев затмевал разум и мешал принимать холодные решение. А холодность взглядов была главной чертой моего характера. Изменять ей я не собирался.

Значит, мой помощник Клио все-таки не ошибся. Нужно будет присмотреться к нему получше, и, быть может, дать ему повышение.

Раз уж переговоры — личная инициатива императора, значит, нам всем не отвертеться. Но для подобного решения нужны были веские причины. Вряд ли Баллу пошла на уступки только потому, что впала во внезапную сентиментальность. Ни я, ни остальные военные такой слабостью не страдали. В то, что императорский двор внезапно подобрел я тоже не верил.

Приемный зал имел высокие своды, широкие окна и тонкие резные колонны, обвитые красным плющом. На столе почти ничего не было, кроме информационных пакетов, кувшинов с вином и таблиц для голосования. Но последние нам не понадобились — решение уже принято. Оставалось узнать, кто из нас семерых отправится на Землю. Посылать всех семерых адмиралов в лапы к землянам очень глупо. Если случится облава в тылу врага, Баллу потерпит тяжёлые потери без опытных военачальников.

— У императора должны быть веские причины, чтобы вступить в переговоры, — озвучил свои мысли, положив ру-

ки на стол и даже пальцем не прикоснувшись к вину. Остальные адмиралы тоже не сделали ни глотка, хотя дипломатам то и дело подливали стройные белокожие служанки с глазами цвета серого камня. Их тела были плотно обтянуты парчой и кружевами, но меня они совсем не трогали. Это лишь дипломатическая уловка во избежание возможных возражений. Маневр. Услада глаз и усыпление бдительности. Прокуратор Мантисса, видимо, слишком самонадеян. Адмиралами не становятся те, кто обменивает долг на девичьи прелести. — Я решительно не верю в то, что мы пошли навстречу землянам только потому, что пожалели их.

Мои слова позабавили всех, кто находился в зале, послышался громогласный хохот. Я тоже рассмеялся. Жалость по отношению к врагу... действительно смешная шутка.

— Наша разведка доложила, что земляне адаптировали одну очень важную технологию, которая у них уже была... но они, так сказать... расширили область ее применения.

— Технологии... мне до сих пор не верится, что такие низменные отбросы способны сотворить что-то стоящее в этом мире, — проворчал, нахмутив лоб. — У них нет ничего действительно ценного. Горы на Баллу выше, чем на земле. Моря шире. Здания устойчивей и искусней. Корабли больше, мужчины крупнее и крепче. Наверняка, женщины у землян уродливы, как ящерицы в горах Торма.

Эта шутка тоже позабавила моих коллег, и мы вместе смеялись под звон хрустальных бокалов. Однако, прокуратор

Мантисса оставался таким же льстивым, таким же спокойным и таким же себе на уме. Мне это не нравилось.

— У людей появились локальные подаватели телепатических связей. Теперь они усовершенствовали их и могут применять непосредственно на наших менталистах. Они глушат телепатию! Пока только при непосредственном соприкосновении с телом, но технологии не стоят на месте, — припечатал меня «отличными» новостями Мантисса. — А это значит, что вскоре наше неоспоримое преимущество исчезнет. По крайней мере, на открытом поле боя. Мне ли вам говорить, как это плохо?

Адмирал Тоурен сжал руку в кулак и ударил по столу. Жаль, я сам хотел это сделать.

— Невозможно! Возмутительно! Информация достоверна?

— Достоверной некуда, — вздохнул Мантисса, поправив на себе белоснежную мантию. — Увы. В связи с этим мы посылаем делегацию на планету Земля и вынуждены сбавить, так сказать, военные обороты. По крайней мере, пока наши

учёные не найдут способ обойти их заглушки.

— Люди все равно не смогут распространить заглушки на всю планету, — задумчиво ответил я. — Телепатия у нас останется.

— Вы совершенно правы, адмирал Антарес, но тем не менее... Предупрежден — вооружен. Так говорят на Земле, и я, увы, с этим совершенно согласен. Нужно действовать на опережение.

— Пока что выигрываем мы. Но если их заглушки будут действительно работать, мы станем слепыми, как котята. Я стану слепым, — сделал неутешительный вывод. — А нейросеть не может эффективно управлять флотом, все же телепатия дает лучшие результаты. Поэтому ведем мы, а не люди.

— И тут вы правы, — вздохнул Мантисса и встал. Он прошёлся до окна, взглянув на далёкие снежные горы Верианской долины. — Подавители телепатии могут все изменить, к тому же, у людей есть неоспоримое преимущество. Их почти двадцать миллиардов, а нас всего семь.

— Потому что мы не размножается, как тараканы, — про-

ворчал, всё-таки сделав большой глоток вина. Для меня это была больная тема, и прокуратор это знал. — Стоит людям чихнуть, и у них появляются дети. Они сношаются, как хорьки и убегают, оставляя после себя кучу потомства. Мы отличаемся от них. Мы другие. Земляне и керимы слишком разные.

— Кстати, о потомстве... — задумчиво сказал Мантисса, сцепив руки за спиной. — Император приказал пополнить делегацию исключительно теми, кто не имеет пары. Он полагает, что жены высоких чинов могут очароваться прелестями нового мира и склонить их решения в пользу Землян. Всем известно, как много бесполезных вещей и красивых безделушек изобретает Земля...

— Женщины падки на все блестящее и бесполезное, — со знанием дела согласился адмирал Калинин, тряхнув длинной седой бородой. — Они вполне могут очароваться Земными благами. Моя жена все уши прожужжала про карминовое ожерелье с трепещущими галапогосскими бабочками. Увидела его в земном каталоге и как с ума сошла. Когда сломался глушитель сигналов с Земли?

— Они постоянно обходят наши блокировки, — недовольно проворчал я. — Чтобы керимы соблазнялись их культурой, милыми безделушками, уродливыми женщинами... которые растлевают характер и нарушают дисциплину.

— Именно, — кивнул Мантисса. — Их певцы, кино, театры... все это имеет большое влияние. А наши женщины име-

ют влияние на нас. Поэтому рядом с нами не должно быть наших жен во время решающих переговоров. Таким образом положено лететь вам, Тоурен, адмиралу Веленину и вам, адмирал Антарес. Я слышал, суд удовлетворил ваш запрос о разводе и теперь вы свободны.

— Так точно, — отчеканил я. — Наш брачный контракт с Элиссией подошёл к концу, и так как не был достигнут положительный результат в рождении ребенка, брак был расторгнут.

— Хорошо, — кивнул Мантисса. — Тогда призываю вас во имя императора, уладьте все дела по отношению к вашей бывшей жене перед отлётом. Мирной делегации ничего не должно мешать.

Мои догадки оказались верны. На Землю посылают далеко не всех адмиралов, и это было разумно. Осталось самое хлопотное – оповестить одну ядовитую фурию о том, что срок годности нашего брака истек. Хвала Богам.

Глава 5. Антарес. Развод

Я стоял у обширного стеклянного окна, в полный мой рост и шириной в стену. Отсюда открывался прекрасный вид на горы. Хребет Оллея тянулся снежной ниточкой по горизонту, протыкая белесые шапки каменными иглами. Я любил здесь бывать, величественные красоты родной планеты умиротворяли душу. Я скучал, родная Баллу. Жаль, что мне придется улететь. Надеюсь, это ненадолго.

Солнце уже начинало садиться, и белый снег медленно окрашивался в розовый. Скоро горизонт станет кроваво-алым.

Хм... может, не подходящее время я выбрал, но отбытие через несколько часов. Тянуть не имело смысла. Я стоял, любясь видами планеты Баллу на верхнем этаже семейной виллы, сцепив руки за спиной. Ноги мои были расставлены на ширине плеч. И все же, даже в собственном доме я не мог толком расслабиться. И вовсе не потому, что душой находился ещё там, в космосе, где нужно быть начеку каждую секунду.

Мой брак – сплошное испытание. Уже спустя два месяца я глубоко пожалел, что заключил этот союз. Но слово есть слово, и я считал своим долгом исполнить его до конца.

Полная документация о разводе лежала на длинной столешнице-баре, прямо рядом с графином родниковой воды.

Она будет кричать. Она будет рвать и метать. Она будет льстиво увещевать, лить сладкие речи в мои уши, а потом раскроит мне лицо острыми когтями. Ей понадобится стакан воды, чтобы смочить истеричное горло.

Это не женщина. Это бешеная фурия. Желание иметь дитя затмило мой разум, и я готов был смириться с любым дурным характером, лишь бы получить долгожданного наследника.

У меня напряжённая работа, где каждый день ходишь по краю, и я совсем уже не в том возрасте, чтобы вестись на сумасбродных, истеричных особ, падких на деньги и статусы. Мне нужна совсем другая женщина. Умная, теплая, веселая... лёгкая. Тяжести мне хватает и в пылу боя. Элиссия "легкой" совсем не была. Она не была даже соблазнительной. Будь у нее хоть капля ума, я бы радовался, словно ребенок. Но и этим ее обделила судьба. Куда я смотрел?

Через неделю мне исполняется уже тридцать, и я надеялся, что она подарит мне ребенка. На все был готов закрыть глаза... слишком высока была цена, но я согласился ее заплатить. Как выяснилось, все было зря.

— О, дорогой, ты уже прилетел? — Элиссия всплыла в комнату, тряхнув крашеными рыжими волосами. Веснушки на ее лице тоже были искусственными. — Прости, что я тебя не встретила... замоталась.

— Наверное, была со своим любовником, — холодно ответил. — До меня дошли слухи, когда я вернулся из военной

командировки. Хорошо, что к тому времени совет уже дал развод, иначе я бы жаждал мести за поруганную честь. Так что ты сношалась с другим уже будучи моей бывшей женой.

Тишина за спиной означала, что эта ядовитая фурия при- таилась, раздумывая над следующим прыжком. Пусть не пы- тается оправдаться в своей измене. У меня есть все доказа- тельства.

— Это потому, что ты никогда меня не любил, — послы- шалось холодное за спиной. Злится. — Это была даже не из- мена... месть! У нас брачный контракт на два года, а ты умо- тал на свою войну через полтора, и от тебя ни слуху не духу. Я полгода тебя не видела! — зашипела Элиссия мне в спи- ну. — Полгода одному, вдали от дома. Наверняка ты тоже не был святым!

Признаться, я действительно ушел на войну и не возвра- щался домой целых полгода. У меня была возможность взять Элиссию с собой, разместив ее вдали от решающих боев, но улетал я не затем, чтобы снова терпеть ее общество. Слиш- ком тяжелое бремя брака легло на мои плечи, я просто пы- тался дотянуть до времени окончания контракта.

— Я всегда был честен с тобой и сразу сказал, что не ис- пытываю никаких чувств. Но ребенок должен был родиться в законном браке, и я дал тебе выбор. Ты его сделала. У нас был заключён официальный союз. И какие бы отношения у нас ни были, я хранил тебе верность, — отчеканил совер- шенную правду. — Потому что это мой долг.

— Долг, долг! — взвинтилась фурия и я повернулся. — Вечно ты о своем долге! Ты даже женился на мне из-за этого дурацкого долга!

Она была как всегда одета с иголки: длинное платье в пол, с открытыми плечами и ложбинкой груди, диковинная прическа, спадающая на плечи тяжелыми кудрями и витиеватое ожерелье с красными сапфирами, сцепляющее шею, словно ошейник. Элиссия следила за собой настолько, что походила на искусственную куклу. Наверное, мало что в ней еще не поддавалось преобразованию. Как минимум грудь — точно. Я даже не вдавался в подробности, что именно она себе отрезает, вкачивает или подтягивает. Молча платил за все.

С чего я решил, что она вообще может родить мне ребенка?

— Ты знаешь, что дар стратегии — телепатия высшего порядка, она не передается абы как. Моя лютэн-энергия должна выбрать женщину, которая сможет передать способности потомству. К сожалению, за всю свою жизнь я не встретил такую женщину, которая бы активировала мой потенциал и сделала мое семя способным к зачатию, — тяжело вздохнул. — Но генетические тесты показали, что есть шанс зачать ребенка с Элиссией Сарма. Тебя подобрал глобальный каталог совместимости. Поэтому я рискнул. Не посмотрел ни на твой статус, ни на характер, вообще ни на что. Я лелеял только один призрачный шанс. Я обманулся. — пристально посмот-

рел на Элиссию, сжавшую свои кулачки от гнева. — Я взял тебя из самого низшего сословия сомнительного дворянства. У тебя не было ни состояния, ни положения в обществе. Я возвысил тебя ради того, чтобы ты родила мне наследника. От тебя требовалось только одно – вести себя прилично, достойно девушке своего статуса. И что ты сделала? Опозорила меня.

— Врут! — взвизгнула Элиссия. Всё-таки недалекого ума эта женщина. — Все врут! Это была случайность! Месть! Всего раз!

— С тремя мужчинами? — холодно произнес и Элиссия сверкнула глазами. — Ты всю жизнь пыталась вырваться в свет. Ты даже красишься в рыжий и делаешь себе веснушки, чтобы выглядеть важнее. Хотя твой родной цвет белый, как и у меня. Я дал тебе шанс. Один шанс, и ты могла его использовать. Даже если бы ты не родила мне, могла выйти из брака достойно и составить в дальнейшем себе выгодную пару. А теперь тебя никто и не пустит на порог приличного дома.

— Полгода! Мы не имели близости целых полгода!

— Я был на войне.

И всё-таки Элиссия совсем не была красива, какие бы дорогие вещи не напяливала, сколько бы операций не сделала за эти два года... не слишком-то она пыталась завести от меня ребенка.

Веснушки она обновляла каждый месяц, потому что они были признаком высшего дворянства с исключительной те-

лепатией. Видимо, хотела, чтобы ее принимали за представительницу древнего рода. Была ли она красива до операций? Я этого не знал. Если честно, совсем не было интересно. Недостижимый идеал кружил девушкам голову, а мне было на него плевать. Идеал находился в характере, а не в грудях. Хотя, признаться, я любил полные груди. Но если они были мягкие и большие от природы, а не напичканные всякой ерундой.

Нет. Элиссия совсем не привлекала меня. Не было в ней ни внутреннего сияния, ни особой притягательности. Говорят, за притяжение отвечает лютэн-энергия. Когда мы встречаем свою пару, нас влечет к ней неудержимыми силами. Какие они, эти силы? Я не знал.

Решил бы, что активация внутренней энергии — лишь миф, если бы мог зачать. Но я не мог. Моя телепатия так и не выбрала себе партнера, чтобы передать силы ребенку. А, значит, все мои попытки были тщетны. Дар или проклятье? Скорее, проклятье...

Все носители телепатии высшего порядка страдают этим «недугом», если можно так сказать. Все высшее дворянство. Трудность нахождения своей пары имеет последствия — мы вымираем... ещё несколько тысяч лет назад телепаты населяли всю планету, потом их становилось меньше, меньше, пока не остались сущие единицы. Это самое меньшинство сформировало правящую элиту — нас. Теперь телепатов насчитывается около ста тысяч на семь миллиардов. Совсем не

густо. Скоро и вовсе исчезнем.

— На протяжении полутора лет я приходил к тебе в спальню ровно раз в неделю и исполнял свой супружеский долг, чтобы зачать. — отчеканил, пододвинув Элиссии папку с документами. Она неловко подняла бумаги и прошла по ним взглядом. — При этом не изменял тебе и соблюдал все приличия. Даже несмотря на твой позор, при разводе я соблюдаю условия контракта и оставляю тебе три миллиона монеров и эту виллу. Пользуйся. Только оставь меня в покое.

— Ну что ты... — Элиссия перешла к сладким увещеваниям. Положила документы на стол и буквально прильнула к моей груди. Я не поднял рук, чтобы ее обнять. — Ты входил в мою спальню раз в неделю. Мог бы и почаще...

— Я делал ровно столько, сколько требовалось для зачатия ребенка. Не больше, ни меньше. Я — адмирал, и не должен склоняться перед плотскими удовольствиями. Я тренировался всю жизнь, чтобы контролировать свое тело. Не думала же ты, что будешь каким-то исключением?

Элиссия сверкнула глазами. Видимо, я больно уколол ее. Но она не пошла в атаку, сверкнув красными когтями. Она затаила злобу и улыбнулась.

— А ты все равно хорош в постели, — льстиво проверещала Элиссия. Хотя я знал, что это совсем не лесть. Я действительно был хорош. Секс — как стратегия. Ты должен знать, что нужно делать, чтобы достичь победы. — Правда, иногда бываешь слишком техничен... но техника у тебя иде-

альная. Может, повторим? На прощание. Полгода без женщины... какой мужчина выдержит? Мы же больше не увидимся. Попрощаемся как следует...

Неужели эта фурия решила соблазнить меня? Какая глупость. После того, что она сделала я должен был заключить ее в тюрьму и оставить ни с чем. Бросить ее замерзать на улице в позоре и нищете. Но я проявил великодушие и выполнил условия контракта. Она просто непроходимо глупа. И хочет еще, чтобы я взял ее напоследок? Неужели за эти два года она не поняла, что адмиралами не становятся те, кто ведётся на женские соблазны. Близость – это потребность, которую я умею контролировать в совершенстве.

— Я не раб своих желаний, — спокойно оповестила бывшую женушку. — Забирай документы и уходи. Или уйду я, мне плевать.

— Ненавижу! — вспыхнула Элиссия, схватив со стола стеклянный бокал за ножку, разбила его и одним махом полоснула мне по щеке. Я увернулся ровно настолько, чтобы стекло меня поранило, но не причинило большого вреда. Это означало, что наш разговор окончен.

Я схватил Элессию за запястье и толкнул в кресло. Она упала, растряхивая свои волосы вокруг головы, словно змеи.

— Ты же знаешь, что у меня тоже есть телепатия, — прошипела Элиссия, глядя на меня карими гневными глазами. — Есть!

— Самая бесполезная телепатия на свете, — усмехнулся.

— Телепатия связи. Ты видишь пары других керимов. Но мы и так чувствуем пару, когда она оказывается рядом. Так что твои способности никому негодились.

— Неправда! Годились мне! — взвизгнула Элиссия.
— Знаешь, что я вижу? Что ты холодный, черствый и одинокий! Ты не умеешь любить, не умеешь чувствовать других! Разбираешься в кораблях, но не разбираешься в женщинах. Твоя лютэн-энергия не светится, в твоей груди ледяной камень, а от сердца не тянется светящаяся нить. Я обзрела всю Баллу и поверь мне, тут нет твоей нити! Ненавижу!

— Чего ты от меня хочешь? — поджал я губы. — Почему шипишь, как разъяренная фурия? Наш контракт истек. Хочешь, чтобы я продолжал этот фарс и обелил твою поруганную честь?

— Я хочу больше денег, — сверкнула глазами Элиссия.
— Контракт закончился, но ты дал мне слишком мало.

— Твоя наглость не знает границ, а твои желания граничат с безумием, — бросил я и направился к выходу. — Я все сказал. Бери что дают и убирайся из моей жизни, иначе закончишь жизнь побираясь по подворотням.

— Нет у тебя здесь пары, нет! — кричала мне в спину Элиссия, захлебываясь в собственном гневе. — Помяни мое слово, Антарес, на всей Баллу ты не найдешь себе пару!

Глава 6. Полина.

Принц из каталога

«Высокая делегация с планеты Баллу прибыла на орбиту в наш прекрасный "Геродот", чтобы поделиться своим незаменимым опытом и обсудить с правительством Конфедерации острые, животрепещущие вопросы по поводу урегулирования конфликтных ситуаций...»

Глория сделала проектор потише, чтобы ничто не отвлекало нас от самого важного – выбора мужчины на мою первую интимную ночь.

— Уже неделю о чем-то договариваются и все договориться не могут, — проворчала Глория, кинув пульт на подушку. — Все дороги из-за них перекрыты, до работы не добраться.

— Ты же дома можешь работать, — рассмеялась, развешенная вином. — А вот мне придется пробираться через толпу зевак. Скоро намечается парад по поводу какого-то там праздника, на который приглашена делегация керимов. Правительство готово отмечать всякую ерунду, чтобы только найти лишний повод пышно принять наших врагов.

— У тебя неправильная гражданская позиция, — нарочито осуждающе произнесла Глория. — Ты же научный сотрудник! Если Земля решила, что теперь они наши друзья, значит, так и есть! Курс партии, и все такое.

— Друзья? - нахмурилась. — Никогда они не будут нашими друзьями! Слишком много у нас спорных территорий.

— Например?

— Например, землеподобная планета Земля-2, керимы называют ее Баллу-дан, то есть дочь Баллу. Считают ее своей. Они хотят и Землю, и эту обитаемую планету!

— Жадные какие-то.

— Еще какие жадные, — недовольно фыркнула. — А ведь мне еще выступать перед этими захватчиками.

— Ой, а когда?

— Через несколько дней. Я читаю доклад.

— Да ладно! Какой?

— Генетическое сходство двух рас как предпосылки к тесному сотрудничеству, — закатила глаза. — Конфедерация хочет, чтобы я вылизывала им зад, понимаешь?

— Да ладно тебе. Ну прочитаешь ты этот доклад, отстреляешься и пойдешь по своим делам.

— Да, полчаса позора и я свободна, — вздохнула. — Ладно, не будем о грустном. Когда я рожу телепата, политика Конфедерации сразу изменится. Это мой долг как ученого. Больше керимы не посмеют нападать на нас и отнимать у нас земли. Я хотела оплодотворить себя сразу, как только стану женщиной, а тут такие нервы...

— Тогда чего же мы тянем?! Давай выбирать тебе мужчину.

— Слушай... а меня не посадят? — с опаской спросила,

когда Глория открыла в сети каталог «массажных салонов» с «дополнительными услугами», — Все-таки вызывать *такого* человека на дом немного незаконно... и вообще...

— Конечно посадят.

В груди екнуло сердечко. Неужели я сяду в тюрьму за то, что хотела лишиться девственности? Ужас-то какой. Посмотрела на Глорию испуганными глазами, а она зашлась заливистым смехом.

— Ну ты даешь, Польша! Неужели ты серьезно подумала, что тебя арестуют? Ха-ха!

— Ну хватит уже, — смутилась. — Я же не знаю всех нюансов...

— Слушай, все пользуются услугами продажной любви. Тут столько командировочных прилетает, что, если бы правительство Конфедерации ловило всех проституток и запрещала эти «дополнительные услуги», военные подняли бы бунт. Не думай о ерунде. Подумай о себе! Посмотри, какой красавчик.

— Ой, а мне не нравится. Слащавый какой-то.

На меня глядел молодой красавчик лет двадцати-двадцати пяти, настолько ухоженный, что я спрятала свои подрезанные ногти в рукава свитера. Я очень давно не делала маникюр, хоть и ухаживала за собой в домашних условиях. С работой у меня совсем не оставалось времени.

— Глори, я не могу отдаться мужчине, у которого ногти

в десять раз ухоженней, чем у меня, — вздохнула с горечью.
— И у него губы накаченные. Ты уверена, что он натурал?

— Натуральней некуда! Написано же. Богатые дамочки только таких и выбирают. У меня есть одна знакомая коллекционерка, ей около шестидесяти...

— Ой, пожалуйста, не надо подробностей, — закрыла уши ладонями, чтобы не слышать эти непристойности. — И вообще, может, у них нет того, что мне нужно. Дай я сама кому-нибудь позвоню и все выясню.

Набрала первый попавшийся номер ближайшего «массажного» салона с выездом на дом:

— Алло.

— Здравствуйте. Вас приветствует «Тропический рай». Чем могу помочь?

— А вы нейросеть или живой человек? Мне бы проконсультироваться...

— У нас живое обслуживание. Для клиентов только самое лучшее.

— Эм.. кхм... — замялась я. — Мне бы массажиста...

— Да-да, — услужливо сказали с той стороны.

— Ну, проститута...

— Эм... кхм... интимных услуг мужского пола... — поправили меня с той стороны. — Кто именно вас интересует?

— Мужественный мужчина, желательно, с длинными волосами. Блондин...

— Внешность поддается корректировке.

— И чтобы умелый...

— У нас все умелые.

— А девственности они лишать умеют?

— Что, простите?

— Я девственница. Они достаточно квалифицированы?

— Эм...

— Алло?

— Девушка, если вы позвонили шутить шутки, то вам не по адресу.

— Но я...

— Могу дать вам другой номер.

— Хорошо. Я записываю, — записала номер, что продиктовала оператор. — А что это за номер?

— Психолога.

И связь оборвалась.

— Какая странная, — обескураженно положила трубку, даже немного обидно стало. — Я просто попросила прости-тута, чтобы он лишил меня девственности, а она решила, что я над ней издеваюсь...

По взгляду Глории я поняла, что она думает о всей этой ситуации примерно то же самое.

— Если ты будешь называть мужиков по вызову прости-тутами, то никогда не лишишься девственности, — покачала она головой. — Ты лучше о ней вообще не упоминай, о девственности этой. Они все опытные. Скажешь, как войдёт в комнату.

— Я боюсь, что потеряю дар речи. Всё-таки очень сильно волнуюсь, Глори, — подогнула под себя ноги и налила бокал вина. Отчаянно хотелось заглушить свой страх, даже если для этого нужно будет напиться.

Глори открыла ещё какой-то каталог и начала листать мужчин одного за другим:

— На какую сумму ты рассчитываешь?

— На приемлемую...

На самом деле я копила почти полгода, чтобы вызвать "квалифицированного специалиста", и пришлось даже залезть в заначку на первый взнос на квартиру. Конечно, это могло ударить по бюджету, но все же потеря девственности бывает всего раз в жизни и мне очень хотелось, чтобы эта ночь осталась в моей памяти навсегда. Чтобы я вспоминала о ней с теплом, как о чем-то необычном и уж точно стоящем своих вложений. Ведь когда я забеременею и рожу, ни о каких мужчинах и думать не смогу, и, скорее всего, умру старой девой. Но у меня будет прекрасный ребеночек и эта мысль грела мне душу.

— Всего две страницы. Не густо. Зато женщин прямо пруд пруди. Что за дискриминация?! — возмутилась Глория, очень быстро пролистав до конца каталога.

— Так на женщин спрос больше. Сколько военных, погляди. Всё-таки это работает больше в другую сторону...

— Эх! Тысяча лет эмансипации и все достижения коту под хвост. Смотри, а этот как?

— Взгляд какой-то хитрый, не мужественный совсем. Как будто обокрасть тебя хочет, а не приласкать.

— Это недалеко от правды, — хихикнула Глория. — Но блондин же!

— Внешность поддается корректировке, мне так сказали, — перелистнула пару страниц. — Ой, а вот этот очень даже хорош...

На меня смотрел довольно мужественный мужчина-штен с широкими плечами, крепкой шеей и уверенным наглым взглядом. Только развратной ухмылки не хватало. Не скажу, что он являлся эталоном брутальности, но это все же лучше, чем все остальные. Даже почти незаметно, что он переделал нос и губы. Хотя в скулы, видно, что-то всё-таки закачал... но ничего страшного. Я все равно разволнуюсь так, что выключу свет и совершенно не замечу его недостатки.

— Тут написано, что во внешность внесены незначительные корректировки, и скоро профиль обновится. Ты уверена, Поль? Вдруг придет какой-нибудь гуманоид и испугает тебя?

— Не испугает. Я уже морально подготовилась и намерена идти до конца. Звони!

— Ну, как пожелаешь, подруга! Звоню нашему прекрасному принцу, чтобы через неделю ты стала женщиной.

Глава 7. Антарес.

Возмутительное предложение

Никогда не любил находиться на орбите, здесь всегда одолевает бессонница. Не имеет значения, Баллу это или Земля. На орбите звезда всегда ярче, и от этого слепящего излучения никуда не скрыться. Все эти орбитальные города... предпочитаю твердую почву под ногами, или наглухо закрытую каюту на своем военном корабле, где обжигающие лучи не выжигают кожу. Мы, баллуанцы, плохо загораем. Солнце у нас холодное, сдержанное, и гораздо менее горячее, чем на Земле. Оттого и горы покрыты снегами, и нет тропических городов и обжигающих пустынь. Наша планета имеет теплые места, но горячих на ней не найти. Каков твой дом, таков и ты сам. Мы, керимы, можем быть тёплыми, но кровь в наших жилах всегда готова стать холодной и рассудительной.

На «Геродот» опустилась ночь, слепящие лучи солнца скрылись за кривым горизонтом, но я все равно не мог уснуть. На часах стрелки уже отчеканили полночь, а я все сидел в своих апартаментах около широкого окна и разглядывал Землю.

И всё-таки как же похожи наши планеты... если бы не очертания материков, так сильно отличающихся от баллуанских, я бы не отличил Землю от родного дома. Хотя Земля

всё-таки кое в чем отличалась — в основном, снега здесь лежали на полюсах, и зелени было гораздо больше.

В дверь постучали.

— Войдите.

Тяжелая, резная, полная вычурности дверь отворилась и в апартаменты вошёл услужливый молодой человек с рыжей копной волос.

Протоколы. Эти земляне используют строгие дипломатические протоколы, по которым нас должны обслуживать огненноволосые и блондины, чтобы мы чувствовали себя «как дома». Ни одного брюнета, шатена или русоволосого. Я обращал внимание на жителей «Геродота», здесь царит воистину цветочное безумие. Зелёные волосы, алые, жёлтые, черно-фиолетовые... У нас так не принято.

Земляне считают, что мы слишком консервативны. Поэтому помещают гостей в классические помещения с мягкими диванами, большими кроватями и подушками из золотых наволочек, безвкусными длинными торшерами в каждом углу комнаты. Кроме всего прочего, в моем номере находилась ещё огромная ваза из роз, стоящая в центре комнаты на столе из белого мрамора.

Ненавижу цветы.

— Как проводит свое время господин Антарес Девог? Адмирал южной флотилии Баллу доволен нашим гостеприимством? — расплылся в улыбке рыжий. Так и вытечет сейчас из строгого костюма с бабочкой. — Время позднее. Прости-

те за вмешательство, но мы заметили, что вы имеете некоторые проблемы с адаптацией к циркадным ритмам Земли... я...

— Следили за мной?

— Нет, что вы!

Конечно следили. Не удивлюсь, что эта комната напичкана камерами и прослушкой. Благо, у меня хватает мозгов, чтобы не обсуждать со своим помощником ничего, кроме отвратительной моды и погоды. По крайней мере, во время визита на орбиту Земли.

— Если вам скучно, мы можем предложить ряд увлекательных аттракционов, которые помогут вам, distinguished адмирал Антарес, познакомиться с культурой нашей планеты.

— Например? — настороженно спросил, взглянув на него с некоторой долей заинтересованности. Пришлось оторвать взгляд от созерцания орбиты и сменить уже надоевшую позу. — Вы пичкали меня жирной экзотиченской едой, преподнесли личный космолёт для индивидуального пилотирования, мне даже запонки с рубинами подарили, а также именной инкрустированный бриллиантами кинжал с титановой рукоятью. Скажи мне, черт тебя дери, что ещё вы хотите предложить мне, чтобы подкупить мое мнение?

— Ну что вы, господин Антарес... вы ошибаетесь, мы...

— Говори.

Этот рыжий малец все равно должен будет сказать. Он

пришел сюда с очередным идиотским заданием и не может уйти с пустыми руками. Он все равно предложит мне какую-нибудь ерунду, которая должна «задобрить» меня, повлиять на окончательное решение, заставить смягчиться по отношению к Земле.

Каждый член делегации проходил через это. Но если дипломаты, аналитики и высокие чины падки на все жирное и блестящее, мы с адмиралом Туореном не обольщались на их дешёвые подачки. Именно дешевые. Потому что за еду и космолеты родную планету не продают. Ее вообще не продают, за подобные «предложения» я мог и спросить.

Немыслимое оскорбление.

Мы с Туореном остались вдвоем, наш третий коллега, увы, не смог полететь на Землю — император призвал его на дальние рубежи. Так что держать оборону приходилось плечом к плечу. Они думают, мы настолько малодушны, что соблазнимся блестящими безделушками? Глупцы. Правильно сказал прокуратор Мантисса — нельзя брать сюда своих жен, и правильно он решил, что послал нас с Туореном. Чтобы мнение адмиралов ничто не поколебало. Мужчины-керимы глядят на мир трезвым взглядом, не признающим лести.

— Видите ли... — замялся «сотрудник гостеприимной комиссии», — У нас есть... эм... кхм...

— Не тяни. Ты не девка на выданье, можешь говорить откровенно. Или забыл, зачем тебя сюда послали?

— У нас есть прекрасные предложения для очень...

кхм... очень интимного досуга, — выпалил перепуганный парнишка. — Вы никогда не забудете этих встреч... самые прекрасные представительницы земной цивилизации на любой вкус.

Я громогласно рассмеялся. Вместе со мной рассмеялся и парнишка, которого, как мне помнится, звали Джейкоб. Вот надоедливая заноза. Я резко перестал смеяться, и он вместе со мной.

Подлиза.

— Вы хотите подложить под меня потаскуху, чтобы я пошел навстречу вам в переговорах?

— Нет, что вы... как вы могли подумать? Никаких продажных женщин! Только самые прекрасные девушки...

— Самые прекрасные девушки сейчас спят в своих кроватях, чтобы встать с первыми лучами солнца и творить благо для своей родной планеты. Девки, которые шляются по ночам, раздвигая ноги за деньги — потаскухи.

— Эм..кхм... — Джейкоб весь покраснел, не зная, что дельного ответить на мое возмущение. Придумать он ничего не смог, потому что не нашел контраргументов и ляпнул: — У нас и девственницы есть, ну, если вам принципиально...

— Воистину Земля готова пойти на все, чтобы добиться своего, — мои глаза сверкнули гневом. — Скажи мне, Джейкоб, кто ещё кроме меня согласился на это отвратительное предложение?

— Мы не...

— Говори, не мямли как девчонка. И не ври — ты прекрасно знаешь, что у меня тактическая телепатия, и первым, что я почувствую — это обман. Я все равно узнаю. Но хочу услышать это от тебя.

— Все согласились, кроме адмирала Туорена, — покраснев, смутился Джейкоб.

— Почему-то я так и думал, — произнес голосом, полным разочарования.

Чиновники на всех планетах одинаковы. Несдержанные, жадные и беспринципные. Что наши, что земные. Иногда мне казалось, что мы не так уж и различаемся, уж пороки у ниших рас точно были одинаковы.

— Хорошо, — неожиданно согласился я.

— Что? — поразился Джейком, вытаращив на меня глаза, как два огромных блюдца. Явно не ожидал, что я соглашусь.

— Я возьму твою потаскуху, какую бы ты не предложил, — ответил, — Мне плевать, какую.

— О, да... да... конечно... выбор на мое усмотрение, — оживился парнишка, — Чтобы был сюрприз... чтобы почувствовать истинный вкус нашей планеты...

Я скрипнул зубами, стиснув челюсть до боли. Пусть думают, что я клюнул на их грязный, отравленный крючок.

— Девушка прибудет в течени...

— Нет, — отрезал я.

— Что — нет? — Джейкоб тут же потерял весь запал, решив, что я передумал.

— Я не хочу, чтобы она приходила сюда. Я сам отправлюсь к ней.

— Но...

— Возрази мне, и увидишь, что из этого выйдет.

— Как пожелаете, адмирал Антарес, — услужливо склонил голову Джейкоб. — Я скажу водителю, чтобы он подготовил транспорт.

— И снова нет. Я поеду один, — встал, разгладив складки халата. Надо бы переодеться. — И не нужно спрашивать, почему. Лишние вопросы сейчас вредны для здоровья.

Проявив благоразумие, Джейкоб спрашивать не стал. Всё-таки есть у этого паренька мозги, хоть он и очень пугливый. Я даже знаю, почему послали именно его вместо какого-нибудь матёрого кастеляна, прошедшего «огонь и воду» в ублажении высоких гостей.

Адмирал не должен чувствовать конкуренции, он должен видеть перед собой размазню, и тогда его чутье притупится, уйдет на второй план, потому что его враг неуклюж и смешон. Что ж, отчасти это сработало. Эти земляне прекрасно поняли нашу психологию — мы никогда не уступим, но вот такой недотёпа может сгладить острые углы.

И всё-таки слишком умные эти земляне. У них нет телепатии, но мозги у них варят будь здоров.

Но кое в чем они всё-таки просчитались. Я не проглочу их наживку и не попадусь на крючок. Не стану спать с их порочной девой ночи, которая раздвигает ноги перед кем по-

пало. Да, скорее всего эта девка будет элитной, но продажная женщина остаётся продажной женщиной, с какими бы высокими чинами она не кувыркалась в постели.

Это – оскорбление. Нет, я не зашелся в гневе и ярости. Я был спокоен и холоден, как горные вершины Баллу. Но я проедусь по ночному «Геродоту», заскочив в их «элитный» квартал, где обитают их падшие женщины.

Хочешь узнать врага – притворись своим и посмотри на их жизнь изнутри. Темные трущобы, ночная жизнь и продажная любовь – ниже падать уже некуда, и это самое правдивое, что может рассказать о себе планета Земля.

Да, я должен был увидеть ее настоящую — подлинную Землю без всяких прикрас. Без слащавых улыбок, дорогих отелей, роскошных подарков и шелковых ковров на лестницах. Я должен был увидеть обычную жизнь. Нет, самое дно этой обычной жизни. Посмотреть на эту девку, чтобы только сказать ей: «Ты – мое оскорбление. Я зафиксирую попытку подкупить меня и предоставлю акт-отчет прокуратору Мантисса. Пусть знают, с кем имеют дело. Хитрые змеи!»

— Хочу предупредить, что из-за вспышек на солнце навигатор может давать сбои, а нейросеть терять связь с реальностью... — обескураженно предупредил Джейкоб, усаживая меня в автомобиль. На Баллу были похожие, так что управлять им я вполне мог и сам, но предоставил это навигатору. — Если что-то пойдет не так – позвоните мне, я откорректирую маршрут.

— Спасибо, Джейкоб. Ты хороший парень, хоть и мягкобородый.

— Да-да конечно, — услужливо улыбнулся Джейкоб, по долгу службы знающий, что мягкобородыми у нас называют абсолютно бесхребетных мужчин.

Путь пролегал через самый центр, где светили яркие огни, взмывали вверх вычурные фонтаны, и зеленые парки тянулись к горизонту, насколько хватало глаз. Но вскоре мы свернули в какой-то спальный район, где дома жались друг к другу, словно боязливые потерянные зверята.

— Хм... — нахмурился.

Думал, что меня привезут в какой-то очередной пышный отель, но я глубоко ошибся. И всё-таки эти земляне очень расчетливые. Прекрасно знают, что это вызвало бы у меня недовольство.

— Четвертая даун стрит, пят-пят-пят... — навигатор захлебнулся в собственных же словах, путая координаты. — Пятая авеню...

В груди что-то задрезбужало, когда мы начали подъехать к назначенной цели. Меня накрыло какое-то беспокойство, смешанное с удивительным чувством предвкушения. Странно, очень странно...

Разумом я понимал, что нужно было проверить координаты и, возможно, позвонить Джейкобу, но как только моя рука потянулась к панели связи, я почему-то остановился и одернул ладонь. Мотор заглох, и я вышел из машины.

Я стоял около высокого здания, утопающего в темноте. Эта была одна из многочисленных высоток, походившая на улей. На нее наплывала ещё одна, не менее высокая и узкая. Этот район совсем не выглядел элитным. Не трущобы, но и не широкие улицы, освещенные множеством разноцветных огней. Обычная улица обычных людей. Здесь и Земли-то не видать — не освещённая сторона... в этом районе обитали небогатые люди.

Проститутка ждала меня именно здесь. Пятый этаж, тридцать первые апартаменты. Апартаменты... усмехнулся... «апартаментами» это убожество назвать было очень трудно. Видимо, земляне и это учли — не стали таскать меня по роскоши и тут же дали то, чего я действительно хочу.

Правду.

Хитрые ублюдки. Лучше переоценить врага, чем недооценить его.

Я зашёл в подъезд с резким луковым запахом. Это было нетипично даже по меркам хитрых землян. Что ж, должен признать — они превзошли даже сами себя.

Хм... странное чувство в груди становилось все сильнее, но у меня и мысли не возникло повернуть назад. Каким-то непостижимым образом ноги несли меня на пятый этаж, потому как здесь не оказалось лифта. Я шел вперёд, словно замороженный, связанный по рукам и ногам этим странным чувством, которое жгло в груди и тянуло вперёд, как деревянную куклу за нить.

Скорее всего, это активизировалась моя тактическая телепатия. Иначе как можно было объяснить, что, вопреки логике и даже самосохранению, я не проверил навигатор и связался с Джейкобом?

Когда надо действовать, телепатия берет на себя разум и рефлексы, и я делаю всё на автомате. Надо довериться ей, но в нужный момент действовать быстро и четко.

Мой мозг будто затянул туман. Станный туман, за который я не мог пробиться... я шел и шел, и сердце мое отекало глухие удары, отдающие в висках. Тридцать первый номер, высокая коричневая дверь с облупленной краской и ржавыми цифрами.

Ха. Апартаменты... какая-то вшивая комнатка для животных сношений.

Ну ничего, и это я тоже припомню. Даже интересно стало, что там внутри. Вернее, кто... постучал.

— Войдите, — сказал неожиданно чарующий женский голос. — Не заперто.

Она ещё и не запирается. Прекрасно. Видимо, у этой женщины двери открыты для всех, как ее лоно для первого встречного мужчины. Девка есть девка.

Ну что, ты готов, Антарес, вкусить всю подноготную этой вражеской планеты? За этой дверью она — настоящая, без лжи, лести и прикрас. Истинное лицо, которое уже не надеет свою фальшивую маску.

Посмотрим, какой выбор для меня сделал Джейкоб.

За дверью меня встретил полумрак и приятный запах дерева хвойной породы.

Странное чувство усилилось, оно отдалось сладким томлением в груди...

— Где ты? — спросил, оглядываясь и не находя женщины.

— Я тут, — робко послышалось из глубины комнаты.

— Как тебя зовут? — спросил строго, поймав себя на мысли, что спрашиваю только потому, что хочу ещё раз услышать мелодичные звуки ее голоса.

— Полина...

Глава 8. Антарес. Дьяволица

— Вы простите... не включайте, пожалуйста, свет, — донеслись мелодичные нотки голоса, ласкавшие слух щекоотливным невесомым пёрышком.

Что ж, у нее чарующий тон, что заставляет дребезжать сердце в груди, но и только. Одним только сладким голосом адмирала не сломить. Земляне... я знаю все их уловки. Думает, при сумерках я не увижу ее недостатков? Глупая женщина. Видимо, она очень плохо подготовлена, ибо не знает, что керимы видят в сумерках лучше, чем днём. Неласковое солнце Баллу заставило наши глаза приспособиться к скудному свету, и я увижу ее морщинки, все нескладности этой женщины так, словно это было бы днём.

Красота. Земляне думают, это лишь внешность? Ха-ха! Нет... вовсе нет. У керимов совсем другие критерии красоты. Они намного глубже, чем земные. Это не внешность, это индивидуальность. Телепатия оставила глубокий отпечаток на всем, что мы делаем, и на оценке грации женщин это отразилось в самой большей степени.

Мы видим тончайшие девичьи черты, читаем характеры, переплетающиеся с женской внешностью, и уже потом решаем, красивы они или нет. Да, определенно, земляне и понятия не имеют, что такое красота, раз позволяют себе называть прекрасными куски мяса, продающие себя за деньги.

Моя жена Элиссия всегда говорила, что я не разбираюсь в женщинах. Быть может, она права. Быть может, я не ощущаю их эмоции и чувства, но я мужчина, и уж красивую девушку от уродины отличить могу. Потаскушки красивыми не бывают. Особенно, если они пытаются спрятать свои недостатки за спасительным полумраком.

Скромная комнатуха встретила меня длинным коридором и новенькими, но все же простенькими обоями. Я не стал снимать кашемировые пальто, которое по протоколу выдали мне наши дипломаты. Чтобы я выглядел, как ОНИ — мои враги, и не выделялся среди землян. Зачем мне раздеваться? Мои намерения тверды, как гранит. Она не увидит и сантиметра моего обнаженного тела.

Войдя, я проигнорировал длинную вешалку с раскидистыми лапами на верхушке и двинулся дальше — в уютную человеческую комнатку, откуда слышал дурман женского голоса. Уверен, что я скоро уйду отсюда. И твердо уверен, что не поведусь на ласковые, льстивые речи. Даже если она будет возвеличивать меня до небес. Продажные женщины всегда льстят. Ради денег они готовы на все.

По стенам тянулись новогодние гирлянды, сглаживая густую темноту. В центре стояла огромная кровать, предназначенная для мягких и долгих сношений, мебели было по минимуму... эта комнатуха была создана для бесстыдных, порочащих честь благородного человека встреч. Девушка сделала шаг вправо из-за угла, где до сего момента пряталась

от меня. Давай, покажи себя. Думаешь, этой темнотой сможешь обмануть мою телепатию? Я все равно увижу все земное уродство, что мне предложи...

О БОГИ! Она стояла, нервно теребя тонкий поясок домашнего халата и смотрела на меня огромными бездонными глазами. Увидев ЕЕ в нежном свете гирлянд я потерял дар речи. Горло мое онемело, застыло, покрылось морозным инеем, не давая выдавить из глотки ни слова. Я стоял молча, пронзая, выпивая, лаская ее тело жадным взглядом: шелковистые огненно-солнечные волосы, немного растрёпанные, стекающие на плечи блестящим бурным потоком, ее белую шейку, просящую поцелуев, румяные щеки, покрытые аристократическими веснушками и румянцем смущения, полные груди, стыдливо спрятавшиеся в складках махрового халата. Ее большие серые глаза притягивали, словно магнит, прося нырнуть в бездонный омут ясной синевы и отдать жизнь, утонув в бездне безумной страсти. Передо мной стояла не просто женщина – передо мной явилась Богиня Утренней Зари, что проходит по вершинам гор, даруя планете новый рассвет. Прекрасная, как само солнце и жгучая, словно лавовый поток в жерле вулкана. Идеальная. Бездонный сосуд соблазна, доверху наполненный желанием. Я почувствовал, как мои чресла напряглись почти до боли, оттопырив штаны.

— Вы простите, что я вот так, без ничего... даже шампанское не открыла... ой, а вам пить, наверное, нельзя на работе... — щебечет сосуд соблазна, вливая ядовитое желание в мои уши. — Ох... я так волнуюсь... очень волнуюсь, несу всякую ерунду. Вы, наверное, устали с дороги? Может, снимите пальто?

Ее пушистые ресницы стеснительно моргают, она смотрит на меня робко и испуганно, словно пугливая ортена-лань на летнем цветущем лугу. Чарующий взгляд туманит мне разум и я, будто замороженный, сваливаю с плеч начавшее мешаться пальто. Влед за ним полетела рубашка, я даже не заметил, как просто разорвал ее на себе, и пуговицы отскочили в разные стороны. Я обнажил широкую, твердую грудь — готовый кинуться вперед.

— Ох... какой конфуз, — шепчет прекрасное создание, глядя на мое могучее тело испуганными глазами, а я уже сокращаю между нами расстояние. — Так задумано? Извините, я просто не вдавалась в подробности по поводу всех нюансов вечера...

Что она там говорит? Я не слышу... только мелодичные звуки женского голоса пленяют, сливаясь в одну райскую песнь, они льются и льются, достигая самого нутра, сводя меня с ума. Сладостный туман окутал меня с ног до головы, отключая мозг, напрягая тело, направляя его только на одну цель — овладеть этим прекрасным, нежным цветком Утренней Зари.

Я нависаю над ней быстро, хищно, словно охотник, завидевший прекрасную добычу. Она даже не успевает закончить фразу. Всего лишь мгновение ловлю ее испуганный взгляд и успеваю произнести «не бойся», прежде чем впиться во влажные, теплые, возжеланные губы. Мои руки обхватывают девушку за талию, пальцы мнут ее мягкие бока, спускаясь

ниже — к двум порочным полушариям, которые я сминая и глажу, окончательно теряя разум.

Я ласкаю, нет, выпиваю ее, утоляя жгучую жажду, съедающую мое нутро. Мой язык проходится по ее влажным робким губам, которые девушка не решается приоткрыть, но я проявляю настойчивость и раскрываю ее, словно драгоценные створки, внутри которых прячется природный жемчуг. И я достаю эту драгоценность своим языком, срывая самое сокровенное, влажное, вкусное. Я пью ледяные хрустальные реки и самое изысканное вино. Наши языки переплетаются, мой напористый и ее, податливый и очень неуклюжий, а оттого возбуждающий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.